

ОЧЕРК ПРАВОВОГО СТАТУСА ГУМАНИТАРНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ

В узком и прямом толковании Устава ООН и других соответствующих многосторонних договоров международного права становится очевидным, что существующий международно-правовой режим запрещает любые угрозы силой или ее применение против любого суверенного государства на основе Статей 2 (4) и 2 (7), без соответствующего мандата СБ ООН.¹ С другой стороны, принимая во внимание логику развития международных отношений в реальности, в данной статье подвергается сомнению эффективность исключения гуманитарных инвестиций (ГИ) из международного права и объявление их вне закона, так как иногда это остается единственным доступным способом защиты населения или ее отдельных этнических групп от их законных, но нелегитимных властей, т.е. недемократических правительств.² В исследовании будут переплетены нормы международного права с т.н. парадигмой *realpolitik* ("реальной политики") как модели восприятия современного международного порядка.

1.1 Общие положения

Еще до распада Советского Союза и падения Берлинской стены было слишком трудно представить, что одна из двух мировых держав будет иметь успех, отправив войска в третью страну с целью установления устойчивого мира и большей стабильности. Это невозможно было представить хотя бы по причине самой философии "великого соперничества". Так называемая Ялтинско-Потсдамская система международных отношений не предусматривала какого-либо консенсуса по поводу основных "компонентов" в области прав человека или любой другой формы измерения таких нарушений международного права. В результате все миротворческие операции эпохи холодной войны традиционно были связаны с главой VI Устава ООН, где стержневым условием начала операции выступало "согласие" вовлеченных сторон, а целью - замораживание конфликта. Идеальной иллюстрацией такой политики является опыт миссии ЧВС ООН на египетско-израильской границе (ноябрь 1956 - июнь 1967).³

¹ Единственное исключение – это Статья 51, которая дает право странам на самооборону, в том числе коллективными силами.

² Вопрос терроризма в статье отодвинут на задний план, чтобы не потерялся фактический объем научного исследования. Данное исследование затрагивает лишь нарушения, вызванные правительством хрупкой или проваленной (*fragile or failed*) государственности.

³ ЧВС-1 служил в качестве буфера между египетскими и израильскими силами, обеспечивая "беспристрастный надзор за прекращением огня", как написано в официальном заявлении

Иными словами, во времена холодной войны "правила игры" диктовали жесткое соблюдение режимов суверенитета, невмешательства во внутренние дела и самоопределения, которые стали абсолютными принципами международного порядка. Когда Варшавский пакт самораспустился, а железный занавес упал, победившая сторона – США и их союзники -- радикально изменила бывшие восприятия "угроз" и "вызовов" для НАТО. За месяц до де-юре распада Советского Союза, в ноябре 1991 года, страны-члены НАТО собрались в Риме и приняли "Новую Стратегическую Концепцию Альянса" ("The Alliance's New Strategic Concept"). Римский саммит задекларировал, что "монолитная, массовая и потенциально непосредственная угроза ... исчезла" и, естественно, проблемы безопасности и вызовов необходимо было радикально переориентировать.⁴ Для тех времен новая концепция была написана открытым текстом: "Риски для безопасности союзников в меньшей степени возможны в форме агрессии на территории союзников, но будут являться негативными последствиями нестабильности, которые могут возникнуть в результате серьезных экономических, социальных и политических трудностей, в том числе по причине этнических распрей и территориальных споров, с которыми сталкиваются многие страны Центральной и Восточной Европы".⁵ Для этого субрегиональная военная организация, которая была создана исключительно для целей коллективной самообороны (в соответствии со статьей 51 Устава ООН), была преобразована в механизм по принуждению к миру и гуманитарной деятельности на территориях ее "специальных и законных интересов", а в буквальном смысле - по всему миру.

Конец "холодной войны" привел к новым дебатам между последователями легалистической парадигмы и теми, кто настаивает на примате политики в международных отношениях, и особенно – в разрешении конфликтов [*; стр. 326-328]. Взаимосвязь международного права и реальной политики "цивилизованных" держав (или "поставщиков стабильности", на англ. – "stability providers") во многом зависит, и всегда зависела, от конкретного географического расположения данного неспокойного региона (области) и их консолидированного выражения национальных интересов.

ООН. ЧВС-1 был удален с места дислокации в мае-июне 1967 года, по просьбе Египта. За несколько дней после их смещения с постов началась так называемая Шестидневная война.

⁴ "The Alliance's New Strategic Concept", Rome, 07-08 Nov. 1991, Полный текст: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23847.htm

⁵ "The Alliance's New Strategic Concept", Rome, 07-08 Nov. 1991, Полный текст: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23847.htm

⁶ James Mayall, "The concept of humanitarian intervention revisited". Ed. by Albrecht Schnabel and Ramesh Thakur, «Kosovo and the challenge of humanitarian intervention», United Nations University Press, 2000

Реактивные действия в Албании (операции "Альба", апрель 1997) и до этого бездействие в Руанде (1994) являются достаточно очевидными подтверждениями избирательного подхода к разрешению конфликтов.

Хотя большое идеологическое противостояние теперь, похоже, преодолено в связи с исчезновением одного из противников, долгожданного "конца истории", как это предсказывал Ф.Фукуяма,⁷ не последовало, а либерально-демократические ценности не дают ожидаемых результатов. Принимая во внимание, что источниками в области прав человека чаще всего являются американские организации (например "Международная амнистия", Freedom House, Хельсинкский комитет по правам человека, Human Rights First, Human Rights Watch), можно поставить под сомнение авторитет, а также беспристрастность оценок, особенно, когда некоторые страны помечены как "страны-изгой", так сказать, по умолчанию, вне зависимости от того, какие преобразования имеют место в данной стране за отчетный период.

Начало 1990-х – это время более широкого толкования Устава ООН и других конвенций, в частности *jus cogens* норм невмешательства во внутренние дела, суверенитета, неприменения силы и мирного урегулирования конфликтов. Вопросы прав человека были возведены на вершину международной повестки дня президентами США, начиная с Билла Клинтона. Некоторые авторы приписывают авторство этой политики также бывшему премьер-министру Великобритании Т.Блэру ("Доктрина Блэра"), который в конце 90-х стал оправдывать вмешательство, в том числе военное, во внутренние дела суверенных государств, население которых серьезно ущемляется из-за действий (или бездействия) своего правительства.⁸ Профессор Брайан Лепард (Brian Lepard), например, пишет, что Статья 1 (3) Устава ООН,⁹ а также Статьи 55 и 56 (в сочетании с рядом других пунктов) подтверждают, что "(в некоторых случаях) военное вмешательство в защиту (вышеуказанных) норм может быть законным и, возможно, даже необходимым в соответствии с международным правом" [¹⁰; с. 4-6].

С началом 1990-х гг. миссии по поддержанию мира стали менять дух и сущность, так как общее понимание мира, войны и суверенитета сами по себе претерпевали большие метаморфозы. Например, есть много определе-

⁷ Francis Fukuyama, "The End of History?", The National Interest, 1989

⁸ Ahto Lobjakas, "The Kosovo Precedent", RFE/RL, August 01, 2010 http://www.rferl.org/content/The_Kosovo_Precedent/2115483.html

⁹ "To achieve international co-operation in ...promoting and encouraging respect for human rights and for fundamental freedoms for all without distinction as to race, sex, language, or religion."

¹⁰ Brian D. Lepard, "Rethinking Humanitarian Intervention: A Fresh Legal Approach Based on Fundamental Ethical Principles in International Law and World Religions" Pennsylvania State University Press, 2002.

ний суверенитета, которые разделяются на две категории: одни отказываются менять термин в Вестфальском понимании, а другие видят весь смысл *суверенитета*, как большую *ответственность* перед гражданами. Какими бы ни были сильные и слабые стороны обеих подходов, история последних двух десятилетий показывает, что наряду с процессами глобализации происходит смещение значения и характеристики независимости и суверенитета, которое пока не успело превратиться во что-то определенное. Пожалуй, наиболее важным аспектом этой трансформации являлось значение суверенитета. Некоторые авторы определяли эту "сложную концепцию" в качестве "независимости от любой (другой) внешней власти" [¹¹, Стр. 12]. Параллельно, имела место также трансформация теории ГИ, которая после терактов 9/11 в США приобрела ярлык "войны с террором", а после публикации одноименного доклада ООН в 2005 стала называться интервенцией во имя "ответственности защищать" (Responsibility to Protect, или политика R2P). В результате, хотя идея создания международно-правовой доктрины ГИ в целом на данный момент провалилась, на ее месте появился принцип R2P, как политическая, а не юридическая мотивация к трансграничному использованию военной силы [¹², p.10]. А в последнее время в политико-журналистическом лексиконе появилось понятие т.н. операций по "стабилизации и восстановлению" – на примере Ирака и Афганистана – которое, по всей видимости, является следующим этапом после удачного завершения активных военных действий, т.е. самой интервенции.¹³

Для того, чтобы представить весь спектр положений международного права, касающихся права на ГИ (если оно существует), первым шагом, разумеется, должно стать выявление тех документов и материалов, которые напрямую регулируют вопросы, связанные с односторонним применением вооруженных сил в трансграничных операциях. Так, Статья 38 Статута Международного Суда (Statute of International Court of Justice) полноценно определяет источники современного международного общего права:

¹¹ Stanley Hoffman, "Sovereignty and the ethics of intervention", ed. by S.Hoffman, "The ethics and politics of humanitarian intervention"; University of Notre Dame Press, 1996

¹² Matthew Waxman, "Intervention to stop genocide and mass atrocities", Council on Foreign Relations Special report no. 49, October 2009

¹³ Примечание: Вторжение в Ирак началось 20 марта 2003г, а через 6 недель президент США Дж. Буш-мл. на борту авианосца "Авраам Линкольн" объявил об окончании активной фазы войны, приветствуя американских солдат с баннером "Миссия завершена". Однако было ясно, что завершилась только одна фаза конфликта, а что уже последовало – известно под названием "Фаза 4" Операции Иракская Свобода, которая подразумевает применение нелинейного подхода к созданию институтов гражданского общества с несколькими одновременными действиями в дипломатическом, информационном, военном и экономическом измерениях. (Подробнее см., <http://smallwarsjournal.com/documents/swimae/v7/kem-swjvol7.pdf>)

- А. международные конвенции, общие и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;
Б. международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;
В. общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;
Г. (...) судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций ...¹⁴

Хотя некоторые ученые обходят это вниманием, но *государственная практика* с 1991 года - как один из основных источников международного права (б) - развивалась таким образом, что стало больше внимания уделяться универсальным правам человека в противовес Вестфальскому пониманию суверенитета, что в наиболее общем виде обрисовалось с операцией НАТО в Косово в 1999 году. Война в Косово явилась той отправной точкой, от которой все последующие интервенты до сих пор получают "вдохновение". Тогдашний секретарь (министр) по делам обороны Великобритании лорд Робертсон (впоследствии Генеральный секретарь НАТО) утверждал, что заявление Генерального секретаря ООН Кофи Аннана о том, что "есть случаи, когда применение силы может быть законным в стремлении к миру",¹⁵ создало определенного рода "правовое обоснование" для бомбежек сил НАТО по территории Югославии.¹⁶ На самом деле, по нашему мнению, *вся теория ГИ является просто попыткой обоснования упреждающих, односторонних военных действий в случаях, когда траектория развития каждой данной страны идет по непредвиденному пути, способному изменить международный статус кво.*

В двух словах, правовой основой ГИ, в частности, является Всеобщая декларация прав человека (1948), которая в свою очередь на декларативном уровне связывает человеческое достоинство с вопросом международного мира, утверждая, что они взаимосвязаны.¹⁷ Другими жизненно важными ориентирами для ГИ являются решения СБ ООН, и в частности:

1. Резолюция Совета Безопасности 1325 (2000) о женщинах, мире и безопасности

2. Резолюция Совета Безопасности 1612 (2005) по вопросу о детях и вооруженных конфликтах

¹⁴ http://www.ici-cii.org/documents/index.php?p1=4&p2=2&p3=0#CHAPTER_IV

¹⁵ UN Press Release SG/SM/6938; March 24, 1999.

¹⁶ <http://www.globalpolicy.org/component/content/article/190/38800.html>

¹⁷ Secretary of State for Defense, the Rt. Hon. George Robertson, MP, "Kosovo - Some Preliminary Thoughts", Ministry of Defense, June 29, 1999

¹⁷ Universal Declaration of Human Rights, <http://www.un.org/en/documents/udhr/>

3. Резолюция Совета Безопасности 1674 (2006) о защите гражданских лиц в вооруженных конфликтах [¹⁸; стр. 16].

И несмотря на то, что в Уставе ООН нет специальных статей даже для миротворческих операций, в целом, правовая основа ГИ может быть извлечена из Глав 6, 7 и 8 (соответственно - мирное урегулирование споров; принуждение к миру; региональные организации). Хорошо известные Женевские конвенции от 1949г. и их Дополнительные протоколы от 1977г. тоже составляют часть правовой папки.

Конечно, многие будут спорить, что мировой порядок все еще зиждется на основах послевоенного (WW2) статус-кво, при активной поддержке основных игроков следовать принципам невмешательства во внутренние дела и суверенитета в качестве незаменимого и обязательного механизма международных отношений. Но ведь с другой стороны, чтобы иметь полное представление о развитии международных отношений, нам, возможно, необходимо провести оценку моделей региональных конфликтов и их урегулирования с 1991 года, где постоянные члены СБ ООН (П5) оказывались неспособны вовремя и эффективно реагировать на преступления против человечности и принуждать преступные режимы к миру, тогда как доктрина ГИ возникла, в основном, на основе этих провалов.

Как указывают многочисленные международные юристы, международно-правовая система фактически зиждется на готовности государств быть ограниченными в своих действиях при соблюдении только тех правил, которым они дали согласие. И ирония современного международного порядка заключается в том, некоторые государства *де факто* отозвали свое согласие от норм, предусмотренных статьями 2(4) и 2(7) Устава ООН. Хотя никаких официальных заявлений сделано не было в этом отношении, очевидно, что такие страны как США, Великобритания и другие союзники, похоже, не чувствуют себя ограниченными этими нормами в своей внешней политике. Война в Ираке 2003г., например, яркое тому подтверждение.¹⁹ Даже оставив в стороне практику государств в период холодной войны и записав это на счет соперничества великих держав, начиная с 1991 года было множество случаев, когда группа стран, в первую очередь из числа государств Западной Европы и Соединенные Штаты, пренебрегали этой нормой путем инициирования военного вмешательства в нестабильные регионы мира, возможно вполне легитимно, но незаконно. Развивая

¹⁸ UN report. "United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines", 2008 http://pbpu.unlb.org/pbpu/Library/Capstone_Doctrine_ENG.pdf

¹⁹ В некотором смысле, признав правительство Ирака, сформированное после проведенных под покровительством США выборов, пост-фактум ООН легализовало интервенцию 2003 года.

далее тезис о *легитимности* нормы невмешательства, установленной статьей 2(4), Томас Франк (Thomas Franck) еще в 1987 году писал, что "исходя из практических целей (некоторые страны) стремились создать широкую несоразмерность между нормами (международного права), которые страны приводят в защиту своих национальных интересов". Автор пришел к выводу, что после вторжения США в Ирак (2003г.) норма невмешательства "опять умерла, и на этот раз, может быть во благо" [20; pp. 154-156]. Продолжая эту тему, профессор международного права из Флетчера (Fletcher School) Майкл Гленнон (Michael Glennon) пишет, что невмешательство "не является правилом, которое признается всем международным сообществом", и поэтому оно "не является *международным правом*" [21; p.155].

Пытаясь перезагрузить дискуссию про ГИ, многие ученые опираются на Статью 1 Устава ООН, которая определяет цели этой организации, как "(деятельность) во имя поддержания международного мира и безопасности, и ... принятия эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру", а также "... для обеспечения международного сотрудничества в разрешении международных проблем гуманитарного характера". Хотя эти положения имеют в известной степени декларативный характер, и их следовало бы различать от закона, они все же составляют важную часть духа Устава ООН, и в особенности главы VII. Как уже было отмечено, ограничения исходят лишь из статей 2 (4) и 2 (7), в которых подчеркивается характер нынешнего мироустройства, основанного на приоритете суверенитета над всеми остальными нормами, регулирующими межгосударственные отношения. Дерек Боуэт (Derek Bowett), один из первых ученых, стоящих у истоков всей теории операций ООН по поддержанию мира, пишет, что в статье 2 (7) кроется запрет на размещение миротворцев для восстановления внутренней политической стабильности, независимо от обстоятельств [22; p.31]. В результате, нормы, призывающие воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства и запрещающие вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государства, создают огромные легальные, правовые препятствия для эффективного ответа на военно-политические кри-

²⁰ Quoted by Michael J. Glennon, "Law, Legitimacy, and Military intervention"; ed. by Gilles Andréani, Pierre Hassner, "Justifying War?: From Humanitarian Intervention to Counterterrorism", published by Palgrave Macmillan, 2008

²¹ Michael J. Glennon, "Law, Legitimacy, and Military Intervention"; ed. by Gilles Andréani, Pierre Hassner, "Justifying War?: From Humanitarian Intervention to Counterterrorism", published by Palgrave Macmillan, 2008

²² Quoted at Steven R. Ratner, *The new UN peacekeeping: building peace in lands of conflict after the Cold War*; New York : St. Martin's Press : Council on Foreign Relations, 1995

зисы в т.н. несостоятельных государствах (failed states – на англ.). Однако с юридической точки зрения, еще в 1923 году Постоянная палата международного правосудия (Permanent Court of International Justice), которая является предшественником Международного Суда ООН (International Court of Justice), в деле о Тунисе и Марокко заявила с "изрядной дозой правового реализма":

"Вопрос о том, является ли или нет определенное дело в пределах юрисдикции государства, по сути имеет относительный характер и зависит от развития международных отношений". [²³; p.32]

С политической точки зрения, международные отношения никогда не характеризовались окаменелостью, и преобразования старых представлений имеют место довольно часто. То же самое происходит с некоторыми неоднозначными нормами из Устава ООН и основанными на них конвенциями международного права. Принцип согласия (consent), например, часто был в центре внимания в период между 1950 и 1990-ми гг., когда СБ ООН принимал резолюции на основе Главы VI с целью развертывания миротворческого контингента между враждебными государствами. Конечно, если имеет место предварительное согласие противников, для СБ ООН или любой другой ответственной и надежной организации или *ad hoc* коалиции государств развертывание базы миротворцев становится проще, не нарушая норму невмешательства и политического суверенитета целевых государств (target-states).

Официальный доклад Департамента операций по поддержанию мира (ДОПМ) ООН по-прежнему констатирует, что операции по поддержанию мира традиционно руководствовались, и продолжают основываться на согласии сторон конфликта, так как "при отсутствии такого согласия войска ООН рискуют стать стороной в конфликте" [²⁴; pp.31-32, 36]. Это со всей очевидностью показывает, что политика ООН, в общем, не изменилась с 1956 года, когда расположенные на египетско-израильской границе миротворцы не сыграли никакой роли, а были удалены из театра будущих военных действий в 1967 году, за неделю до кровавой войны. Конечно, операции, основанные на согласии, должны и впредь проводиться, пока есть необходимость в обходе ограничений статей 2(4) и 2(7). Это также позволяет интервентам (ООН или не-ООН) обходить норму государственного суверенитета, так как "согласие" дает легализацию действий. С другой стороны, "согласие" долгое время использовалось в качестве важнейшего

²³ Quoted at Steven R. Ratner, *The new UN peacekeeping: building peace in lands of conflict after the Cold War*; New York : St. Martin's Press : Council on Foreign Relations, 1995

²⁴ UN report. "United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines", 2008 http://pbpu.unlb.org/pbpu/Library/Canstone_Doctrine_ENG.pdf

компонента для развертывания миротворцев, так как эти операции, в основном, были призваны разрешить межгосударственные, региональные конфликты, и разграничить стороны "беспристрастными наблюдателями", в то время как эти стороны сидели за столом переговоров в поисках мирного пути решения конфликта.

Но теперь, с изменением международного порядка, характер конфликтов тоже столкнулся с огромными изменениями. Пожалуй, самое важное из них – это преобладающее число внутренних конфликтов по сравнению с региональными конфликтами в биполярной системе. Все это сделало в высшей степени непонятным, кто же должен дать согласие на развертывание миротворцев, если, например, одной из сторон является правительство, а другой – самопровозглашенные власти сепаратистского региона, борющегося за свою независимость. Несомненно, единственный случай, когда центральное правительство, в конечном счете, будет заинтересовано дать свое согласие на миротворческую операцию, если в повестке этой миссии будет подавление движения за независимость отколовшегося региона. Но в случае, если это восстание полностью легитимно в глазах "борющегося меньшинства", намного сложнее станет вопрос мандата и согласия сторон на размещение международной миссии по поддержанию мира. Лучшей моделью этого может быть случай Косово, а также планы для привлечения миротворцев в Нагорный Карабах - в рамках советских границ Азербайджана (на де-факто границе между НКР и Республикой Азербайджан).

1.2. Роль Международного Уголовного Суда

В конце Второй мировой войны возник вопрос, где и как судить лидеров нацистской Германии и императорской Японии, которые совершили преступления против мира и человечности (*crimes against peace and humanity*). Для решения этого вопроса были учреждены *специальные (ad hoc)* трибуналы в Нюрнберге и на Дальнем Востоке (Токио). Однако позже, в 1948 году, необходимость в постоянном международном суде была признана Генеральной Ассамблеей ООН. Идея Международного уголовного суда (МУС) стала реальной в 2002 году, и суд получил полномочия (мандат) в судебном порядке преследовать лиц (а не государства), совершивших преступления по 4-м категориям "за наиболее серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества - геноцид, военные преступления и преступления против человечности и ... преступление агрессии".²⁵ Единственная неопределенность заключалась в юрисдикции МУС в случаях агрессии, поскольку она была включена в качестве

²⁵ <http://www.un.org/news/facts/iccfact.html>

преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда (статья 5 (1) (г) Римского статута). Но была также сделана оговорка, что комплексное регулирование должно сначала быть одобрено государствами-участниками по вопросам (а) определения агрессии и (б) условий, при которых суд мог бы осуществлять свою юрисдикцию (статья 5 (2) Римского статута).

В июне 2010г. конференция государств-участников МУС в Кампале (Уганда) приняла поправки в Римский статут, добавив туда общее определение преступления агрессии и другие полезные инструменты, которые в конечном итоге вступят в силу не ранее 2017 года. Профессор Шон Мерфи (Sean Murphy) из Университета Джорджа Вашингтона в одной из своих работ прекрасно описывает, как трудно принимать какую-либо поправку к Римскому статуту [³⁶; p.17]. К сожалению, МУС пока не стал тем универсальным судебным органом, который мог бы принять в производство правовые проблемы в международных отношениях в глобальном масштабе, так как 43% стран мира пока не присоединились даже к суду. Три самые крупные державы мира – США, Россия и Китай -- которые с наибольшей вероятностью примут решения на ГИ в будущем, не находятся под юрисдикцией МУС, что делает полномочия суда наиболее скованными и ограниченными.

Понятие ответственности и подотчетности правительств перед международным сообществом, в частности, в измерении обеспечения прав и свобод человека, является новым феноменом в международных отношениях. Ранее государства лишь в определенной степени несли ответственность перед другими странами (точнее - перед царями, а не нациями) за содеянные преступления. *Степень ответственности всегда определяется их совокупной мощью*, так как интервенции более всего были призваны к обеспечению своих собственных национальных интересов и отстаиванию своей империалистической и колониальной политики. Хорошим примером этому служат зверства в отношении христианских народов Османской империи в XVII-XX веках, где только слабость султана давала возможность России и Австро-Венгрии протянуть руку помощи грекам или армянам.

С созданием МУС понятие ответственности получило новое звучание, и суд привлекает лидеров к ответственности перед всем международным сообществом.²⁷ Ссылаясь на отчеты наиболее компетентных организаций, например, Стокгольмский международный институт исследова-

²⁶ Sean Murphy, "Criminalizing Humanitarian Intervention", Legal Studies Research Paper No. 474 (2009) <http://ssrn.com/abstract=1476939>

²⁷ Конечно, юрисдикция МУС не является абсолютной, поскольку она имеет "доступа" на преступления, совершенные после 1 июля 2002 года, а юрисдикция в отношении преступления агрессии еще подлежит утверждению государствами-участниками.

ний проблем мира (SIPRI) в 2008 году насчитал около 60 многосторонних миротворческих операций с участием 190,000 военного и гражданского персонала во всем мире [²⁸; p. 117].

Так как основным мотивом для ГИ является создание устойчивой и более или менее демократической государственности (правительства), желаемым результатом военных действий должна стать высылка членов исполнительной власти (диктаторов по форме) из целевой страны. Последние должны быть подсудны международному трибуналу, который должен изучить эти преступления против мира и человечности, если таковые имеются. С развитием МУС, любые злоупотребления неограниченной, суверенной власти в государстве не должны будут оставаться исключительно под юрисдикцией национальной судебной системы, так как в такой недемократической среде суды едва ли могут быть независимы. В то же время, было бы совершенно наивным предполагать, что любой уголовный суд будет служить исключительно высшей цели достижения истины и вынесения приговора виновным. Все международные уголовные суды (от Нюрнберга и Токио и до МУС) "были фактически созданы по инициативе правительств, а не юристов ... Они были созданы политическими силами по политическим мотивам, а не только из гуманитарных побуждений" [²⁹; pp. 197-198]. И даже если так, Мерфи утверждает, что МУС в каком-то смысле "... может быть идеальным заменителем для Совета Безопасности в тупиковых ситуациях", поскольку его состав похож на СБ ООН, за исключением права вето любого из 15 судей [³⁰; p.14]. В то же время автор считает, что МУС встретит политическое давление со стороны отдельных ключевых государств [³¹; p.25].

В общем и целом, чувства международного сообщества по отношению к любой данной стране не обязательно означают правовую основу для толерантного отношения к несправедливости. Например, случай Косово не соответствовал какому-либо правовому регулированию для оправдания трансграничной военной операции, в то время как слова большинства звучат больше как «оправдание» содеянного с точки зрения международного права. Как "предлог" для незаконных действий (с правовой точки

²⁸ Kirsten Soder, "Multilateral Peace Operations in 2008", SIPRI Yearbook 2009; Oxford University Press 2009.

²⁹ Antoine Garapon, "International criminal justice: A humiliation for states or a spur to enhanced sovereignty?", ed. by Gilles Andréani, Pierre Hassner, "Justifying War?: From Humanitarian Intervention to Counterterrorism", published by Palgrave Macmillan, 2008

³⁰ Sean Murphy, "Criminalizing Humanitarian Intervention", Legal Studies Research Paper No. 474 (2009) <http://ssrn.com/abstract=1476939>

³¹ Sean Murphy, "Criminalizing Humanitarian Intervention", Legal Studies Research Paper No. 474 (2009) <http://ssrn.com/abstract=1476939>

зрения) Ш. Мерфи приводит в пример результаты двух голосований в ООН, где предлагаемая Россией резолюция, осуждающая действия НАТО, была отклонена 12 голосами против 3-х (СБ) и 11 голосами против 24 (комиссия по правам человека ООН). Тем не менее, современный международный порядок стоит на фундаменте консенсуса всех основных акторов на сохранение статус-кво после Второй мировой войны, но интервенции, будучи правильными и эффективными операциями в ответ на гуманитарный кризис, нарушают международное право.

Вместо заключения

В заключение, стоит отметить, что нормативно-правовые основы ГИ являются гораздо более шаткими, чем этого хотелось бы. *Краеугольным камнем дискуссии, с политической точки зрения, является характер всеобщих прав и свобод человека, таких как первичность ответственности правительства перед международным сообществом или просто права человека, как внутреннее дело между гражданами и их руководством.* Основным аргументом тех, кто выступает с позиций теорий R2P и ГИ, является то, что, поскольку права человека и гражданина закреплены в соответствующих международных договорах и конвенциях, нарушение этих законов тоже должно предполагать *международную ответственность* И в большинстве случаев, когда страны П5 разрываются серьезными разногласиями в рамках СБ ООН, полномочия по эффективному ответу усугубляющемуся кризису принимает отдельная заинтересованная страна или группа стран, с целью, в числе прочих, положить конец массовым нарушениям прав человека, в том числе этническим чисткам и актам геноцида.

Источники и литература

1. "The Alliance's New Strategic Concept", Rome, 07-08 Nov. 1991, Полный текст: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23847.htm
2. James Mayall, "The concept of humanitarian intervention revisited". Ed. by Albrecht Schnabel and Ramesh Thakur, «Kosovo and the challenge of humanitarian intervention», United Nations University Press, 2000
3. Francis Fukuyama, "The End of History?", The National Interest, 1989
4. Ahto Lobjakas, "The Kosovo Precedent", RFE/RL, August 01, 2010 http://www.rferl.org/content/The_Kosovo_Precedent/2115483.html
5. Brian D. Lepard, "Rethinking Humanitarian Intervention: A Fresh Legal Approach Based on Fundamental Ethical Principles in International Law and World Religions" Pennsylvania State University Press, 2002.
6. Stanley Hoffman, "Sovereignty and the ethics of intervention", ed. by S. Hoffman, "The ethics and politics of humanitarian intervention", University of Notre Dame Press, 1996

7. Matthew Waxman, "Intervention to stop genocide and mass atrocities", Council on Foreign Relations Special report no. 49, October 2009

8. Statute of the ICJ http://www.ici-cij.org/documents/index.php?p1=4&p2=2&p3=0#CHAPTER_IV

9. UN Press Release SG/SM/6938; March 24, 1999.
<http://www.globalpolicy.org/component/content/article/190/38800.html>

10. Secretary of State for Defense, the Rt. Hon. George Robertson, MP, "Kosovo – Some Preliminary Thoughts", Ministry of Defense, June 29, 1999

11. Universal Declaration of Human Rights, <http://www.un.org/en/documents/udhr/>

12. UN report, "United Nations Peacekeeping Operations: Principles and Guidelines", 2008
http://pbpu.unlb.org/pbps/Library/Capstone_Doctrine_ENG.pdf

13. Michael J. Glennon, "Law, Legitimacy, and Military Intervention"; ed. by Gilles Andreani, Pierre Hassner, "Justifying War?: From Humanitarian Intervention to Counterterrorism", published by Palgrave Macmillan, 2008

14. Steven R. Ratner, The new UN peacekeeping: building peace in lands of conflict after the Cold War; New York : St. Martin's Press : Council on Foreign Relations, 1995

15. <http://www.un.org/news/facts/iccfact.htm>

16. Sean Murphy, "Criminalizing Humanitarian Intervention", Legal Studies Research Paper No. 474 (2009) <http://ssrn.com/abstract=1476939>

17. Kirsten Soder, "Multilateral Peace Operations in 2008", SIPRI Yearbook 2009; Oxford University Press 2009.

18. Antoine Garapon, "International criminal justice: A humiliation for states or a spur to enhanced sovereignty?"; ed. by Gilles Andréani, Pierre Hassner, "Justifying War?: From Humanitarian Intervention to Counterterrorism", published by Palgrave Macmillan, 2008